

Екатерина Кострова

*Убийство по
футарку*

Екатерина Кострова

Убийство по футарку

<https://litres.ru/74024513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург. Дождь. Руны, которые не прощают. Бывший профессор-скандинавист Вера Корсакова зарабатывает на жизнь тем, что гадает на рунах богатым клиентам. Она давно похоронила академическую карьеру — и свою способность слышать древние знаки. Но когда одну из её клиенток находят мёртвой с руной Феху в кармане, а затем гибнут ещё двое из её списка, руны возвращаются. Громче. Страшнее. И требуют жертв. Вместе с усталым следователем Макаровым Вера вступает в игру, где убийца использует Старший Футарк как оружие. Третья руна — Турисаз. Четвёртая — Ансуз. Каждое убийство — послание. И следующая руна может выпасть на неё саму. «Руны не убивают. Люди убивают. Но настоящая магия начинается тогда, когда ты перестаёшь в неё верить».

Екатерина Кострова

Убийство по футарку

Часть 1: Руна Феху (Богатство, Новое Начало)

Дождь стучал в окна старой петербургской квартиры, за-
тягивая стекла в паутину серебристых струй. Вера Корсакова
поправила шерстяной плед на плечах и подбросила в камин
еще одно полено. Огонь, словно живой, лизнул сухую древе-
сину, отбрасывая дрожащие тени на стены, увешанные гра-
вюрами с изображениями Иггдрасиля — Мирового Древа.
Между резных деревянных полок, где стояли древние саги в
потертых переплетах, мерцали бронзовые фигурки вальки-
рий, а на дубовом столе лежала раскрытая книга с иллюстра-
циями рунических камней.

Хоть в чем-то ей повезло, подумала она, обводя глазами
свою квартиру. Спасибо за это любимым родителям. Когда
в жизни случился разлом, ей хотя бы было где жить. Было
место, где можно спрятаться и создать свой мир заново. Ве-
ра любила эту квартиру, этот город. Его уникальное распо-
ложение на воде, туманы и дождливая погода создают осо-
бую атмосферу, такую близкую ей. Каменные дома, мощёные
мостовые, загадочные дворы и тайные проходы. Город-ла-
биринт, город-загадка, как вся ее жизнь. Неспешный поток
мыслей нарушил резкий звонок в дверь.

Алиса Миронова вошла, как ураган — стремительно,

громко, с размахом, взбудораживая пространство, поднимая застывшие чувства и мысли окружавшего ее пространства. Рыжеватые волосы, уложенные в небрежные, но дорогие локоны, пахли жасмином, а длинное пальто скрипело от влаги. Она сбросила его на вешалку с таким видом, будто делала одолжение этому месту.

- Фрейя? - Алиса окинула комнату оценивающим взглядом, будто подсчитывая, сколько стоит каждая деталь интерьера.

- О, настоящий скандинавский уголок! - ее голос звенел, как лед в стакане. - Я думала, будет больше... ну, знаете, хрустальных шаров и фигурок Будды. Ну, больше мистики.

- Мистика начинается тогда, когда ты перестаешь ее искать, и Будда здесь ни при чем. Это территория Одина. - мягко ответила Вера, указывая на стул напротив. - Садитесь.

Алиса рассмеялась, выставив вперед острый подбородок. — О, как атмосферно! Мои подписчики это обожают.

Она не спешила садиться. Ее взгляд скользнул по полкам с древними фолиантами, задержался на деревянной шкатулке с рунами, потом — на зеркале в резной раме. Вера заметила, как пальцы девушки нервно постукивали по боку сумочки. Там, вероятно, была камера, а взгляд скользил по комнате, выискивая лучший ракурс. Вера заметила, как зрачки девушки сузились, когда она увидела резную статую ворона — Хугина, одного из спутников Одина.

- Вы снимаете? - спросила Вера спокойно, указывая на ед-

ва заметный блеск в декольте Алисы.

Та на мгновение застыла, потом рассмеялась еще громче.

- Ой, да ладно, это же просто для сторис! Люди должны видеть, как все по-настоящему! Мы живем в мире онлайна. Публика все время ждет сенсаций, откровений, разоблачений. А лучше все вместе. Если не соответствовать тренду, то скоро окажешься на обочине.

Девушка замолчала, о чем-то задумавшись. Наконец, после внутренних колебаний, она еле заметно кивнула головой, видимо придя к какому-то соглашению с собой

- Я хочу не просто гадание, - заявила Алиса, наконец опускаясь в кресло. - Мне нужен ребрендинг. Личный талисман, контент-план, основанный на рунических потоках. Моя аудитория ждет чего-то... мощного. Я буду с вами откровенна. Последнее время дела пошли хуже, мне кажется, публика устала от меня. Сейчас я в поиске нового направления и мне нужна помощь, мощное информационное сопровождение, если это можно так назвать.

Вера вздохнула и достала из дубового ларца мешочек с рунами. Кость, из которой они были вырезаны, желтела от времени, а знаки на них казались глубже, чем должны были.

- Руны - не игрушка, - сказала она, выкладывая их на ткань с вышитыми змеями Ёрмунганда. - Они говорят только тогда, когда их слушают.

Алиса фыркнула и протянула руку.

- Да бросьте, это же просто символы. Я заплачу за кру-

тую историю - что-нибудь про успех, деньги, новое начало. Я преподнесу это публике, например под вывеской «Мой путь к успеху по рунному дереву».

Вера почувствовала холодный укол между лопаток. Воздух в комнате стал гуще, будто само пространство сжалось вокруг Алисы.

- Тогда вытяни руну, - сказала она, отодвигаясь.

Алиса схватила руны с видом человека, привыкшего брать то, что хочет.

-Твоя руна Феху, сказала Вера. Это руна скота, богатства, нового цикла.

-О, вот это да! - девушка засияла. - Прямо то, что надо! Я же прямо угадала. Новый проект, новый путь, освещенный руной Феху, руной нового цикла. Я возьму эту руну себе как амулет.

Но Вера не отрывала взгляда от знака. Кость под пальцами Алисы казалась темнее, чем остальные.

— Это не просто «успех», - тихо сказала она. — Это еще и предупреждение. Феху можно сравнить с бочкой с порохом, которая уже расширяется изнутри, давит на стенки и когда-то произойдет взрыв, разнесет доски на щепки, выйдя за свои границы... выйдя за рамки дозволенного и проявив свою Волю.

- Какое еще предупреждение? - Алиса махнула рукой. - Мне нравится первая часть про успех, новый цикл!

Она встала, сунув руну в карман джинсов, и бросила на

стол несколько купюр.

- Спасибо, Фрейя! Ждите мой отзыв в сторис!

Дверь захлопнулась. Вера осталась одна с оставшимися рунами. Одна из них - Перевернутая Феху - лежала на краю стола, будто случайно выпав из мешочка. Вера замерла, глядя на перевернутую руну. Феху - первая в Старшем Футарке, знак начала, изобилия, жизненной силы. Но перевернутая...

Она медленно подняла костяной знак, ощущая под пальцами шероховатость древней резьбы.

Перевернутая Феху - утрата, алчность, ложный путь.

В скандинавской традиции руны никогда не лгут. Они - как ветер, что качает ветви Иггдрасиля: могут принести и плоды, и грозу. Алиса взяла Феху в прямом положении - символ богатства, нового этапа. Но почему еще выпала перевернутая? Алиса взяла руну как талисман успеха... но руны редко дают то, чего хотят. Чаще - то, что нужно.

Вера подошла к окну. За стеклом, в мутном свете фонарей, мелькнула рыжая тень - Алиса уже скрылась в вечернем городе, унося с собой руну, которая теперь казалась Вере зловещим даром.

Камин догорал, и в последних языках пламени ей почудился смех — низкий, как воронье карканье. Начало положено. Но какое?

Дождь за окном усиливался, и Вера машинально поправила шерстяной плед на плечах. Ее пальцы сами собой потянулись к деревянной статуэтке Одина на полке - тому само-

му, что она привезла из экспедиции в Норвегию десять лет назад. Тогда она еще верила, что мифы — это всего лишь исторические артефакты, подлежащие рациональному изучению.

"Как же все изменилось", - подумала Вера, глядя на тени от языков пламени в камине. Она была уверена, что посвятит жизнь академической науке после защиты диссертации по символике рунических камней. Но тот злополучный вечер в университетской библиотеке...

Она закрыла глаза, снова ощущая холодный пот на спине. Тот древний манускрипт, который ей доверили для исследования, внезапно начал "говорить" с ней. Буквально. Руны на пожелтевшем пергаменте складывались в послания, которые невозможно было объяснить научными методами. А потом — скандал с мужем, неожиданный развод, потеря работы...

Вера открыла глаза и взяла в руки перевернутую Феху. "Ирония судьбы", - усмехнулась она. Всю жизнь изучавшая руны как исторический артефакт, теперь она зарабатывала на жизнь тем, что "разговаривала" с ними. В академических кругах ее, конечно, предали анафеме. Профессор Корсакова, ставшая "Фрейей" - гадалкой для богатых домохозяек и амбициозных блогеров.

Но что-то внутри подсказывало, что сегодняшний визит Алисы - не просто очередная консультация. Перевернутая Феху лежала на столе, словно обвинение. Вера вдруг ясно осознала: она не случайно ушла из науки. Руны действительно-

но говорили с ней и сейчас они предупреждали об опасности.

Камин догорел, и Вера, оставшись одна, долго сидела в полутьме, глядя на пепел. Она впервые за долгое время почувствовала - ее путь только начинается. И это начало было куда страшнее, чем она могла предположить.

Перевернутая Феху холодила пальцы. Воспоминания снова нахлынули сами собой — тягучие, как смола, липкие, как рана, которая никак не затянется. Та ночь в университетском архиве снилась ей до сих пор. Она тогда писала докторскую диссертацию о сакральной семиотике рунических камней. Никакой магии — только текст, контекст, историческая реконструкция. Её муж Дмитрий, доцент с кафедры когнитивной психологии, называл это «игрой в бисер», но уважал за методичность. Всё изменилось в среду, после семинара.

Вера задержалась в закрытом фонде. Старый пергамент — в собрании значился как «Фрагмент Q-14» — лежал в отдельной папке с грифом «Осторожно, хрупкий». Она развернула его. Обычные позднеисландские висы, формула против града. А потом буквы... потекли.

— Так не бывает, — прошептала Вера, вжимаясь в спинку стула.

Руны не просто выцвели, они двигались. Ансуз моргнул, превращаясь в Уруз, Турисаз выпустил шип, который вытянулся из пергамента на полпальца — настоящий, острый, холодный. Воздух в хранилище стал пахнуть грозой. Где-то над головой, в перекрытиях, заскреблись крысы — или не кры-

сы.

— Это галлюцинация, — сказала она себе. — Дефицит сна, кофеин.

Но когда Вера коснулась знака Ансуз кончиком указательного пальца, он... заговорил с ней, не словами, а образом. Она увидела ворона, летящего над фьордом.; лицо старухи в зеркале — своё лицо, через тридцать лет. Услышала шёпот: «Ты избрана, потому что слушаешь, когда другие только смотрят».

Вера резко захлопнула папку и не оборачиваясь выбежала из архива. Всю дорогу до дома её преследовало карканье — хотя в городе вороны спят ночью.

Дмитрий не поверил.

— Ты переутомилась, — сказал он, когда она, бледная, с горячечными глазами, рассказала ему об этом. — Завтра же иди к психологу.

— Я не сумасшедшая, — тихо ответила Вера. — Я знаю, что я видела и слышала.

— Ты слышала то, что хотела услышать. Это называется апперцепция.

Она взорвалась — впервые за столько лет брака.

— А если нет, если руны действительно живы? Если мы всю жизнь изучали не алфавит, а оружие или дверь?

— Оружие? — Дмитрий засмеялся. — Вера, ты — историк. Твой инструмент — лупа и архивная пыль. А не... это. Он кивнул на её рабочий стол, где среди исписанных ли-

стов лежал дешёвый амулет с руной Альгиз — подарок коллеги с конференции.

— Идиотская безделушка.

— Не смей.

Она схватила амулет, сжала в кулаке. В тот же миг лямпочка над кухонным столом лопнула — без причины, просто вдруг. Осколки посыпались на пол. Дмитрий отшатнулся.

— Это... случайность, — сказал он, но голос его дрогнул.

— Нет. — Вера раскрыла ладонь. На коже, под амулетом, проступил красный след — слабый, но узнаваемый. Руна Альгиз была выжжена у неё на ладони. Настоящая, горячая, живая. — Это не случайность, это ответ.

Дмитрий смотрел на её ладонь, а потом перевёл взгляд на лицо. В его глазах Вера прочитала не страх — отвращение. Брезгливость учёного к тому, что нельзя измерить.

Теперь, спустя годы, глядя на перевёрнутую Феху на столе, она поняла, что тогда выбрала путь. И этот путь привёл её сюда — к убийствам, к тайне, к собственному страху, но она не жалела.

— Потому что руны говорят только с теми, кто готов слушать, — прошептала Вера в пустоту.

За окном каркнул ворон или просто ветер.

Часть 2 : Визит следователя

Дождь стучал в окно, когда в дверь постучали. Открыв ее, Вера увидела перед собой не просто человека - перед ней стоял живой архетип из древних саг. Его фигура напомина-

ла одноглазого Хеймдалля, стражника моста Биврёст - такой же непоколебимый, пронизывающий взгляд, будто способный разглядеть правду сквозь стены. Морщины на его лице образовывали узоры, похожие на рунические письмена, высеченные на древних менгирах. Капли дождя стекали по его плащу, как слезы самого Одина, оплакивающего павших воинов. Когда он шагнул вперед, Вера почувствовала, как в комнате запахло мокрым камнем и холодом фьордов - именно таким холодом веяло от его голоса, когда он представился:

- Игорь Макаров. Следственный комитет. - Его слова падали, как удары молота Тора, точные и не оставляющие сомнений.

Вера глубоко вздохнула, отгоняя от себя наваждение. Это просто мужчина, подумала она. Я стала последнее время слишком впечатлительной.

Он вошел без приглашения. Вера подумала, что так входят в дом во время бури - не спрашивая разрешения, но по праву выживающего. Его взгляд скользнул по руническим амулетам на полке, задержался на резной фигурке ворона - спутника Одина - и Вера увидела, как в его глазах мелькнуло что-то узнающее.

- Вы консультируете людей? - спросил он, и в его голосе Вера услышала отголоски иронии.

Ее пальцы сами собой сжали край свитера, где под тканью прятался маленький молот Тора - подарок от мужа в лучшие времена. В этом человеке было что-то от судьбоносных ге-

роев эддических поэм — тех, кто появляется на пороге, чтобы принести либо спасение, либо гибель.

Когда он достал прозрачный пакет с той самой руной Феху, Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок. В его руке амулет выглядел не просто уликой - он казался артефактом, вынесенным из мира мифов в мир смертных, где древние знаки обретали новую, страшную силу.

- Знакомы с Алисой Мироновой?

Сердце Веры дрогнуло, все плохие предчувствия последних дней вновь нахлынули, в груди как будто кто-то сжал в кулак весь находящийся там воздух, не давая вздохнуть.

- Она была у меня два дня назад - еле слышно прошептала Вера.

- Ее нашли сегодня утром. Убитой - сказал Макаров, не отрывая глаз от Веры.

Воздух в комнате стал густым, как смола.

- Этот амулет был в ее кармане, - продолжил следователь, пристально глядя на Веру. - Вы в курсе, что руны могут быть не только символом, но и уликой?

Вера медленно выдохнула.

- Руны говорят правду, - прошептала она. - Но не все готовы ее услышать.

Макаров усмехнулся.

- Тогда, мисс Фрейя, вам стоит поговорить со мной так, чтобы я услышал и понял. Очень подробно. Что Миронова хотела узнать с вашей помощью, может обсуждала свои про-

блемы, может кого-то боялась?

- Я так поняла, у нее падал рейтинг, она хотела добавить в свой новый проект немного эзотерики. Новый путь в бизнесе – новый путь по футарку.

- Я очень далек от этого. Поясните мне, причем здесь футарк и новый путь - в его голосе вновь проскользнули нотки иронии.

- Я попробую дать краткую характеристику, все-таки я бывший научный сотрудник - теперь уже в голосе Веры прозвенели ироничные нотки.

- Рунный футарк (старший футарк) - древний германский алфавит, использовавшийся в Северной Европе с конца II века н.э. до VIII века н.э.. - монотонно, как на лекции, начала Вера. Название происходит от «сквозного» чтения первых шести букв старшего рунического алфавита: f, u, þ, a, g, k. Но руны футарка служили не только письменными знаками, а также магическими символами, использовавшимися в ритуалах и гаданиях. Футарк может рассматриваться как цикл смены состояний мира и жизни человека. Всего рун - 24. Порядок рун в Футарке фиксирован, каждая руна имеет своё значение и символику. Например, начнем с первых рун:

Феху - символизирует богатство, материальное благополучие и процветание, связана с силой и энергией.

Уруз - олицетворяет силу, быстрые и неожиданные изменения.

Турисаз - разрушает правила, а также любые структуры и

соединения.

Ансуз - развитие, соединение с сознанием земли.

Райдо - олицетворяет путешествия, движение и изменение, символизирует пути и направления в жизни.

Также руны Футарка применялись в гаданиях, они вытягивались из мешочка и раскладывались в определённом порядке, который интерпретировался в соответствии с их значениями. Этот процесс позволял получить ответы на важные вопросы и увидеть возможные пути развития ситуации.

Речь Веры лилась как горный ручей: то быстрый, то плавный. Когда она рассказывала о рунах, то менялась. Вместо городской жительницы средних лет перед следователем стоял кто-то другой. В его голове как напев пришел образ:

«Её плащ соткан из слёз – каждая нить застывшее горе влюбленных, оплативших её благосклонность золотом весом с их тоску. Когда она ступает по полям Фолькванга, трава склоняется не от ветра – от шепота душ, просящих у неё последней милости: "Возьми меня в свой чертог, госпожа, укутай в свой плащ..." Губы – как разрез граната, полного зерен-обетов. Глаза – два озера, где тонут воины, решившие, что могут покорить богиню. На шее Брисингамен – ожерелье, выкованное четырьмя карликами, потребовавшими за работу не золота, а её смеха, слез, вздоха и стога. Когда она двигается, звенья поют песню, от которой у кошек горбится спина, а у мужчин холодеет в жилах кровь.

Она едет в колеснице, запряженной котами – серые, как

утренний туман над полем битвы. Их когти оставляют на земле руны, которые потом находят шаманы в лихорадочных снах. Когда она сбрасывает плащ, боги замирают. Один прячет свой единственный глаз под повязкой, чтобы не видеть, как её волосы – жидкое солнце – поглощают весь свет в зале. Её слезы – чистое золото. И последний воин, посмевавшийся вытереть их, превратился в янтарь у её ног.»

Макаров резко зажмурился, пытаясь скинуть наваждение и чересчур резко прервал рассказ:

- Я думаю, что лекцию на этом можно закончить. Какую информацию получила от вас потерпевшая?

Вера потерянно посмотрела на него, пытаясь вернуться мыслями к собеседнику.

- Вы знаете, я сама очень удивлена, но ей выпала Феху. Т.е. как раз начало пути, то, что она хотела. Алису это очень воодушевило. Хотя я обратила ее внимание на то, что это руна может еще и предупреждать, но она не хотела это слушать. Я вам уже говорила, что руны надо уметь слышать, но это редко, кто делает. Люди стремятся к быстрому результату, а руны – это путь, поиск, осмысление мира вокруг. Они не про цель, а про цикл, бесконечный как сама жизнь.

- Вы очень увлечены рунами. Мне, кажется, вы были хорошим ученым, почему отказались и ушли во все это...? Он обвел руками пространство комнаты.

Вера замерла, как объяснить чужому человеку все что с ней произошло? Она вспомнила последний спор с мужем.

Он случился под электрическим светом лаборатории, который делал тени слишком резкими, а лица - восковыми.

- Ты больше не хочешь понимать, ты хочешь верить! - Он швырнул папку с её исследованием о рунических петроглифах. Листы рассыпались, как опавшие листья.

Вера молча смотрела, как графики и статистические выкладки - три года работы - замерли на линолеуме.

- Я хочу знать, почему одинаковые символы встречаются в культурах, разделённых веками. Почему мне снится ворон, когда я работаю с руной Ансуз. Почему, когда я читаю свитки, я вижу образы.

- Потому что ты недосыпаешь! - Дмитрий сжал её запястье - Есть инструмент, есть метод изучения. Всё остальное - суеверие. Я устал Вера, я не могу достучаться до тебя. Ты губишь свое будущее, свою карьеру. Научный мир, да и я, не примет твою версию прочтения рун. Это только алфавит, ничего больше. Перестань видеть то, чего нет. И тем более пытаться преподнести это как науку.

Его пальцы оставили красные полосы. На следующий день он подал на развод. После раздела имущества Вера оказалась в пустой квартире с коробкой книг и коллекцией рун.

Она пыталась вернуться к работе. Но формулы распадалась перед глазами. Цифры не складывались в закономерности. Так называемый научный подход она больше применять не могла, научный метод не давал ответов. Ей пришлось сделать выбор. Вера пришла в университетский архив за свои-

ми материалами в последний раз. Коллеги избегали взгляда. Только старый профессор Никольский остановил её у лифта:

- Выбрать тьму вместо света... - Он покачал головой. - Жаль. У вас был талант, хотя может в этом что-то есть.

Вера распахнула пальто, показывая подкладку, где были вышиты руны защиты.

- Я просто сменила инструменты, Иван Петрович. Это был единственный человек, которому она хотела, что-то объяснить.

Но все это было только ее, личное. Следовательно она ответила довольно сдержанно.

- Я изучала фольклор, мифы, руны. Для меня это было системой, кодом, который можно расшифровать. А потом... я начала чувствовать их.

Макаров нахмурился.

- Как?

- Буквы на страницах оживали. Я видела узоры в случайных трещинах на асфальте. Сны стали... ясными.

Она посмотрела в окно, где дождь рисовал текущие руны на стекле.

- Однажды я провела ритуал. Просто эксперимент, для статьи. Но когда я разожгла свечи и произнесла слова... что-то ответило.

- И ты испугалась?

- Нет. - Она покачала головой. - Я испугалась позже. Когда

поняла, что хочу больше. Наука требовала дистанции, а мне хотелось нырнуть в этот океан с головой.

- Университет не место для веры, - прошептала она. - Только для фактов.

Макаров молчал. Потом кивнул.

-Теперь вы нашли баланс?

- Надеюсь.

За окном грянул гром, гроза усиливалась.

Часть 3: Руна Уруз

Дождь не прекращался три дня. Вера сидела у окна, глядя, как капли размывают отражение уличных фонарей в лужах, превращая их в расплывчатые золотые кляксы. В пальцах она перебирала руну Феху - ту самую, что Макаров оставил ей «для консультации». Полиция забрала только амулет Алисы, но не ту, перевернутую, что осталась лежать на столе.

Она положила ее на раскрытую страницу книги - древний трактат о рунической магии. Знак богатства, начала, жизненной силы. Но перевернутая - утрата, ложный путь.

«Она взяла ее как талисман успеха... а получила смерть».

Вера закрыла глаза. Она не верила в совпадения. Руны - не просто символы, они - язык, на котором мир говорит с теми, кто умеет слушать. И сейчас кто-то использовал этот язык... как оружие. Она решила, что уже участвует в этой истории, хочет она того или нет, поэтому придется разбираться самой.

Первым делом Вера позвонила Лене - своей старой знакомой, которая когда-то работала в PR-агентстве, а теперь вела

Telegram-канал о городских мифах.

- Лена, привет. Мне очень нужна твоя консультация. Ты знаешь Миронову Алису?

- Алиса Миронова? - Лена фыркнула в трубку. - Да ты что, это же «Алиса-Разоблачительница»! Она последние полгода громила всех эзотериков подряд. Говорила, что скоро выведет на чистую воду какого-то «главного шарлатана».

- Кого именно?

- Не знаю, но она что-то искала. За неделю до смерти спрашивала у меня контакты Максима Орлова - того самого, у которого магазин «Северный ветер» на Литейном.

Вера замерла. Орлов... Его магазин был одним из немногих мест в городе, где продавали настоящие рунические наборы, а не дешевую бижутерию.

- Ты с ним знакома? - спросила Лена.

- Да... - Вера почувствовала, как в груди сжалось. - Он был моим учеником.

То, что, цепочка ведет к Орлову, Вере было предельно ясно. Следовательно, надо было срочно ехать в этот магазин. На нее нахлынули гнетущие предчувствие. От легкого головокружения пришлось прислониться головой к стене, чтобы получить опору и не упасть. И тут на Веру обрушилось видение:

«Рассвет еще не расколол горизонт, когда степь вздрогнула от подземного гула. Степная трава приникла к земле, будто в страхе, а камни задрожали на сухих руслах рек. И тогда

он явился - исполинский первобытный бык, чьи рога были выкованы самой природой из черного обсидиана. Его шкура дышала жаром, как раскаленная броня, испаряя утреннюю росу. Каждое мышечное волокно под ней перекатывалось с рокотом далекого шторма. Ноздри, пышущие клубами пара, выдыхали древний ритм жизни - пульс земли, который чувствовали жрецы, но не могли объяснить.

Копыта, больше человеческой головы, взрывали степную почву. Там, где они касались земли, оставались вмятины, наполняющиеся дождевой водой - священные источники для будущих поколений. Его рёв не просто разрывал тишину - он менял структуру воздуха, заставляя кристаллы льда формироваться в верхних слоях атмосферы. Глаза - два расплавленных солнца - не видели преград. Когда он нёсся сквозь утренний туман, создавалось впечатление, что само время расступается перед ним. Птицы взмывали в небо не от страха, а повинувшись мощному восходящему потоку, который генерировало его движение.»

Видение закончилось так же внезапно, как и началось. Значит будет следующая жертва, с грустью сделала она вывод и руна будет Уруз. Ведь Максим был живым ее воплощением, неудержимой природной силы, которая не знает преград, но и не различает, что разрушает на своем пути. Он всегда шел на пролом, не обращал внимание ни на что вокруг. Физическая сила для него была самым важным аргументом, поэтому и тело было закалено в спортзале и улич-

ных драках. В нем чувствовалась первозданная, почти звериная мощь. Решения принимал мгновенно, без колебаний, презирал полумеры, презирал компромиссы, презирал все, что напоминало слабость. Даже его пороки были чудовищны в своей мощи — когда он пил, то опустошал бутылки, когда дрался — ломал кости без разбора, когда любил — оставлял на плечах женщин синяки. Завтра утром она сразу же поедет в магазин и попробует что-то изменить.

А сейчас надо было успокоиться, но мысли не хотели затихать. Они формировались в голове в нескончаемый круговорот пульсирующих вспышек. Стены давили. Зеркала смотрели на неё мёртвыми туманными озерами. Камин не топила — зачем? Тепло не согревало. Было только одно место в городе, которое могло ее убаюкать.

Вера приехала в архив уже затемно. Там пахло пылью и покоем. Она села в своей крошечной комнатке, разбирая очередную партию старых дел, когда дверь скрипнула. На пороге стоял Иван Петрович Никольский — старый, сгорбленный, в вечном кардигане с заплатками на локтях. Его лицо напоминало печёное яблоко: морщинистое, доброе, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

— А вы, я смотрю, совсем не спите, — сказал он, прикрывая дверь. — Молодость, конечно, но всему есть предел.

— Здравствуйте, Иван Петрович. — Вера отложила папку. — Просто не могла уснуть, а это то место, где я знаю меня всегда примут. Вы, кстати, тоже ночью не дома.

— Я всегда рад тебе, хотя ты и ушла из науки — Он пошаркал к столу, поставил на него два старых фаянсовых стакана и заварной чайник. — Угощайтесь. Чай не фонтан, но горячий. А дома, что мне делать дома, там меня уже давно никто не ждет.

Вера понимающе улыбнулась. Никольский разлил напиток по стаканам, сел напротив и долго молчал, глядя в окно на серое утро.

— Вы слышали? — спросила Вера.

— Про убийства? — Он кивнул. — Конечно. У нас маленький город, Вера. Слухи летают быстрее воронов. — Он отхлебнул чай, поморщился — горячо. — Я слышал, вас вызывали в Следственный комитет.

— Вы всё знаете.

— Не всё. Но достаточно, чтобы волноваться.

Вера опустила глаза. В стакане отражался потолок — белый, без единого пятна. Здесь не было рун, только тишина.

— Иван Петрович, — сказала она, — вы верите, что руны могут убивать?

Он долго молчал. Потом поставил стакан на стол и сложил руки на груди — так, будто ему вдруг стало холодно.

— Я верю, — тихо сказал он, — что человек может убить чем угодно. Даже словом, даже мыслью. А руны — это слова, высеченные на кости. Очень древние и очень сильные.

— Я не спрашиваю про человека. Я спрашиваю про руны. Никольский посмотрел на неё долгим, изучающим взгля-

дом. Таким взглядом смотрят на старые фотографии — пытаюсь вспомнить то, что уже почти стёрлось.

— Когда я был молодым, — начал он, — я тоже хотел верить, что мир состоит из таблиц и формул. Что всё можно измерить, взвесить, разложить по полочкам. Наука — великая сила, Вера. Но она не отвечает на главный вопрос.

— На какой?

— Зачем всё это? — Он обвёл рукой комнату — стеллажи, папки, пыльные окна. — Мы знаем, как распадается атом. Но не знаем, почему мы смотрим на звёзды и плачем. Наука лечит тело, но не душу.

— А руны лечат душу?

— Руны — это язык. Язык, на котором мир говорит с теми, кто умеет слушать. — Он вздохнул. — Вы умели, Вера. И я всегда втайне завидовал вам.

— Завидовали?

— Да. Потому что я всю жизнь изучал руны как историк. Смотрел на них через увеличительное стекло, переводил, комментировал. А вы — слышали. — Он покачал головой. — Вы говорили, что они заговорили с вами в архиве. Я вам поверил. Не тогда, нет. Позже, когда понял, что настоящая наука — не та, что в учебниках.

Вера молчала. В горле стоял ком.

— Вы поэтому защищали меня? Перед деканом? Перед комиссией?

Никольский усмехнулся:

— Я защищал не вас. Я защищал право человека искать истину там, где он её видит. Даже если другие считают это безумием.

— А теперь? — тихо спросила Вера. — Вы считаете меня безумной?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Потом протянул руку и накрыл её ладонь своей — сухой, тёплой, испещрённой венами, похожими на трещины в древнем пергаменте.

— Я считаю вас смелой, — сказал он. — Вы пошли туда, куда я побоялся. Вы слышали голос, который я заглушил рассудком. И теперь вы расплачиваетесь за это. Но знаете, что, Вера? Святые тоже расплачивались.

— Я не святая.

— Нет, вы — человек, который не побоялся заглянуть за грань. И теперь та грань смотрит на вас в ответ.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что мне делать, Иван Петрович?

— Идите до конца. — Он убрал руку, взял стакан и отхлебнул уже остывший чай. — Вы не сможете спрятаться. Руны нашли вас и уже не отпустят. Но вы можете выбрать, как с ними жить. В страхе — или в осознании.

— Осознании чего?

— Что вы — не игрушка в чужих руках. Что у вас есть дар и вы им распоряжаетесь, а не он — вами.

Они помолчали. Где-то в коридоре пробили часы — восемь утра. Город просыпался, но здесь, в архиве, время тек-

ло иначе. Медленно, тягуче как смола.

— Я нашла одного человека, — сказала Вера. — Его зовут Максим Орлов. Он был моим учеником. Мне кажется, он в опасности.

— Тогда езжайте, — сказал Никольский. — Не ждите.

— Я боюсь.

— Правильно. Страх — это не враг. Враг — это паралич. — Он встал, опираясь на стул. — Вы не парализованы, Вера. Вы пьёте чай, разговариваете со стариком и собираетесь спасти жизнь. Это уже поступок.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— И вот ещё что, — сказал он, не оборачиваясь. — Берегите себя: не для науки, не для рун, а для себя. Вы заслуживаете того, чтобы жить.

Дверь закрылась. Вера осталась одна. Она допила остывший чай, поставила стакан на стол и подошла к окну. За стеклом моросил дождь — вечный, петербургский, смывающий с асфальта следы ночных кошмаров.

«Идите до конца», — сказал Никольский.

Вера сжала кулаки. Внутри пульсировала пустота.

— Хорошо, — прошептала Вера. — Я пойду.

Она взяла ключи от машины и вышла из архива. Дождь встретил её холодом и запахом мокрого асфальта. Город молчал. Но где-то в глубине, за домами, за тучами, кто-то или что-то ждал.

Вера села в машину и поехала к Орлову. Когда она подо-

шла к «Северному ветру», то увидела, что тот закрыт. На двери висело объявление: «По техническим причинам...» - но Вера уже знала правду. Она обошла здание и через черный ход проскользнула внутрь.

Помещение встретило её темнотой и запахом ладана, трав и... чего-то тяжелого, металлического. Она включила фонарик, луч света вырезал в темноте полки с амулетами, стойки с книгами - все было на месте. Но в дальнем углу, за прилавком, валялись разбросанные руны - будто кто-то в ярости швырял их на пол. А потом свет упал на дверь подсобки, которая была приоткрыта. Вера подошла ближе... и увидела его. Хотя внутренне она и была готова к тому, что увидит в магазине, но реальность оказалась страшнее.

Максим лежал на полу в луже засохшей крови. Его мощное тело, когда-то такое живое, теперь было неподвижно, как камень. Шея - перерезана. Но самое жуткое было в его руке. Ладонь сжата в кулак, а на коже - выжженный знак Уруз - Руну Силы, дикого Быка, необузданной энергии. Вера оглушенная осознанием случившегося отшатнулась. «Он не просто оставляет руны... Он инсценирует их значение»:

Феху — у блогерши, жаждавшей успеха.

Уруз — у крепкого, вспыльчивого Максима, который всегда шел напролом.

Значит... «Это только начало». Вера попыталась взять себя в руки и успокоиться. Тяжело выдохнув, она поняла, что есть только один человек, кому она сейчас должна позвонить

- Макаров.

- Вера Корсакова, - сказала она, когда он взял трубку.

-Слушаю- Его голос был ровным, но она почувствовала в нем напряжение.

- Я в магазине Максима Орлова. – Вера собрала все силы и выдохнула в трубку. - Он мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.